

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

«Повесть о Димитрии Римском»

«Повесть о Димитрии Римском», принадлежащая к числу памятников переходного периода — от древнерусской литературы к литературе нового времени, — почти неизвестна в нашей науке. Единственное сообщение о ней было сделано М. И. Соколовым на заседании Московского археологического общества в 1900 г.; тогда же им был опубликован текст повести по рукописи XVIII в., принадлежащей Е. Барсову.¹ Уже в сообщении М. И. Соколова были отмечены существенные черты, характеризующие памятник: его явно русское происхождение и связь с циклом сказаний о гордом царе. К сожалению, при этом М. И. Соколов не использовал вариант повести из собрания Общества любителей древней письменности (ОЛДП, Q. 155), указанный Х. М. Лопаревым.²

Других списков современные библиографии древнерусской повести не указывают,³ и лишь недавно в коллекции рукописей Института русской литературы (собр. Богословского, № 28) был обнаружен В. И. Малышевым новый, ранее неизвестный текст повести. Таким образом, теперь можно исследовать повесть по трем спискам, что позволит более детально представить ее литературную историю.

«Повесть о Димитрии Римском» по своему сюжету связана с циклом сказаний о гордом царе, но иначе разрабатывает тему наказания за неверие в тексты священного писания. Димитрий Римский, услышав в церкви слова «единым днем царь богат и убог», не поверил в их истинность и приказал вырезать их из текста Евангелия. Затем царь отправился на охоту, где явившийся в виде вепря ангел заманил его в чащу; царя ограбили разбойники, пустившие его в «раздранных ризах»; он с трудом добрался до деревни и нанялся в работники к накормившему его крестьянину. Димитрий работает у крестьянина в течение года, до следующего «Дмитриева дня», поражая всех своей удачливостью в труде; соседи крестьянина переманивают его к себе в работники, но безрезультатно. В урочный день царь Димитрий просит расчет у хозяина, но тот ударяет его по щеке и велит

¹ Протокол 46-го заседания Славянской комиссии имп. Московского археологического общества (31 октября 1900 г.). — Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. III, М., 1902, стр. 28—29; текст повести — стр. 57—58. Шифр Барсовской рукописи неизвестен, и в дальнейшем мы цитируем текст этого списка по публикации М. И. Соколова.

² Х. М. Лопарев. Описание рукописей Общества любителей древней письменности, ч. II. СПб., 1893, стр. 226.

³ В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, вып. 1. М.—Л., 1940, стр. 249; ср.: А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955.

идти вместе с ним в город к обедне в честь царских именин, обещая расчет по возвращении. В церкви Димитрий узнает воевод, ранее служивших ему, и пытается разглядеть царя, сидящего на престоле. Царем оказывается ангел, который возвращает Димитрию его прежнюю власть, объяснив все случившееся наказанием божим.

Для повести характерно сочетание книжных и фольклорных традиций в развитии сюжета. По-видимому, объединение этих противоречивых тенденций произошло уже в архетипе памятника, так как сочетание книжного и фольклорного планов можно отметить в каждом из известных в настоящее время списков повести. Абсолютно для всех вариантов характерно использование таких чисто сказочных мотивов, как заманивание зверем героя в чашу леса; троекратное испытание героя в работе у крестьянина; сказочная удача царя-работника, который пашет «единою шкапою аки десятию», а хлеб у него родится «в семь седмицею». О фольклорной традиции свидетельствует и употребление чисел 3 и 7 в оборотах типа «в семь седмицею», «три дня и три ночи» и т. п.

Книжный характер повести выражается прежде всего в самой «привязанности» сюжета к цитате из священного писания; вся повесть создается с целью раскрытия, конкретизации общего положения, обозначенного цитатой, и в связи с этим усиливаются элементы назидания и поучительности, характерные для древнерусских дидактических сочинений.

Однако ни нравоучительная, ни фольклорная, сказочная тенденции по отдельности не определяют характера произведения в целом, хотя иногда можно отметить преобладание одной из них. Главной особенностью памятника является его занимательность, и для ее достижения автор в равной мере использует и книжные, и фольклорные мотивы; своеобразная экзотика повести достигается перенесением места действия в Рим и изображением героя «цесарем Римским», несмотря на несомненно русские реалии (описание крестьянских работ, система наема батрака на год, термины «великий князь», «Дмитриев день» и т. п.). Герой повести не соотносится ни с одним конкретным историческим лицом, и это связано с характерным явлением литературы переходного периода — рождением вымышленного героя.⁴ Свободное отношение автора к книжной традиции, занимательность памятника, его близость к устному творчеству позволяют поставить «Повесть о Димитрии Римском» в один ряд с теми повестями «нового типа», новеллами в чисто литературном смысле, о которых писал М. Н. Сперанский в статье «Эволюция русской повести в XVII веке»;⁵ их сближают не только указанные общие черты, но и своеобразная «маскировка» под историческое сочинение — беллетристическая повесть в момент своего рождения еще не смеет отказаться от старых, привычных форм.

Вопрос о времени создания «Повести о Димитрии Римском» может быть разрешен лишь приблизительно. Самым ранним из известных списков является список ОЛДП. Q. 155 (в дальнейшем: О), датируемый первой четвертью XVIII в.; список собрания Барсова (в дальнейшем: Б), изданный М. И. Соколовым, датируется XVIII в.; список ИРЛИ, собр. Богословского, № 28 (в дальнейшем: И) относится к первой четверти XIX в. Ни один из списков повести нельзя считать ее оригиналом, так как каждый из них содержит явные пропуски и ошибки переписчиков.

⁴ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 119—140.

⁵ М. Н. Сперанский. Эволюция русской повести в XVII веке. — ТОДРА. т. I, Л., 1934, стр. 351—359.

Например, рассказ о начале работы Димитрия у крестьянина имеет в списках *О* и *И* явные пропуски, восполняемые по списку *Б*:

Б
 Благоверный же князь Димитрей рад бысть и рече ему: «Рад, господине, у тебя труж-даться». И тако зимнюю пору работаше всякую домашнюю работу. Приспевшу бо новому лету, благоверный князь взя шкапу, сиречь жребя, поехаша на поле и нача землю пахать единою шкапою аки десятью (стр. 57).

О
 Князь же великий Димитрий рад бысть и нача работати всякую домашнюю работу. Поехаша на поле землю пахать единою шкапою аки десятью (л. 182).

И
 Князь же Димитрий рад бысть, нача работати зимою всякую домашнюю работу. Приспевшу же убо новому лету, князь же Димитрий поехаше на поле землю пахать единою шкапою десятою (л. 196 об.).

Как можно видеть, в списке *О* пропущено упоминание о работе Димитрия в «зимнюю пору» и о начале нового лета, что соответствует всему содержанию повести, таким ее деталям, как наем работника на год, до «Дмитриева дня» (26 октября). В списке *И* пропущен союз «аки», вследствие чего теряется сравнение одной клячи («шкапы») с десятью; попытка исправить «десятью» на «десятою» приводит к бессмыслице. Явный пропуск в списке *И* можно указать также в рассказе об урожае Димитрия:

О
 Уроди же ся хлеб на земли в семь седмицю, лутчи иных земель, никто такова хлеба не помнит. Христианин же убра хлеб и не весть, где ево спрятать (л. 182).

И
 Уродиша иже ся хлеб в семь седмицею, лучше иных мест, где его спрягает (л. 196 об.).

Таким образом, время создания повести должно быть отнесено к более раннему периоду, чем тот, которым датируется старший список (*О*); скорее всего, повесть была создана на рубеже XVII—XVIII вв.

Близость «Повести о Димитрии Римском» к циклу сказаний о гордом царе, отмеченная М. И. Соколовым, определяется общей сюжетной схемой: неверие в Евангелие — кощунство — охота — подмена царя — возвращение его на царство после продолжительных скитаний. Однако наша повесть отличается от близких произведений, таких как «Повесть о царе Аггее»⁶ и «Приклад о гордом цесаре Иовениане» из «Римских деяний»,⁷ конкретной разработкой буквально каждого эпизода. Различны тексты писания, служащие основой для повествования: в «Повести о Димитрии Римском» — «единым днем царь богат, и нищ, и убог», в «Повести о царе Аггее» — «богат обнищаша и взалкаша, а нищии обогатеша». В «Прикладе о цесаре Иовениане» совсем нет кощунства в церкви: Иовениан наказан за мысленное сравнение себя с богом, поэтому здесь нет и эпизода с вырезанием слов из Евангелия.

Подмена царя во время охоты в «Повести о царе Аггее» и в «Прикладе о цесаре Иовениане» связана с купанием; на основе этого мотива, в частности, объединял ряд сказаний А. Н. Веселовский.⁸ «Повесть о Димитрии Римском» не имеет мотива купания и сохраняет лишь его элемент (потеря одежды), иначе решенный. Приключения героев, следующие за потерей одежды, совершенно различны.

⁶ А. Н. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов. — Записки Академии наук, т. 40, приложение 4, СПб., 1881, стр. 147—150.

⁷ Римские деяния, вып. I. СПб., 1878, стр. 69—85.

⁸ А. Н. Веселовский. Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872.

Явное влияние «Повести о царе Аггее» можно отметить лишь в самом позднем списке (И). К тексту «единым днем царь богат, и нищ, и убог», лежащему в основе «Повести о Димитрии Римском», присоединяется цитата из псалтыри, определяющая основное поучение «Повести о царе Аггее»: «богати обнищаша и възалкаша». О том, что такое соединение было сознательным, свидетельствует авторская отсылка «инде глаголет»: «глас услыша во Евангелии глаголет: „Единым днем царь богат и убог“, а инде глаголет: „богати обнищаша и възалкаша“» (л. 193 об.). Эпизод списка И о явлении ангела вельможам в образе царя при возвращении с охоты («вельможам ангел преобразися ликом благовернаго князя Димитрия, поехав с ними в Рим» — л. 194) также очень близок соответствующему эпизоду «Повести о царе Аггее» и отсутствует в списках О и Б.

Явная связь позднего списка «Повести о Димитрии Римском» с «Повестью о царе Аггее» заставляет задуматься о необходимости сочетать текстологическое исследование отдельных повестей о гордом царе с изучением всего цикла в целом. Интересно отметить, что в первой четверти XIX в., т. е. в то же время, каким датируется список И, появляются списки «Повести о царе Аггее», в которых четко прослеживается влияние другого близкого по сюжету памятника — «Приклада о гордом цесаре Иовениане».⁹ По-видимому, необходимо предпринять параллельное изучение литературной истории всех трех повестей — только таким путем можно конкретно выявить точки их соприкосновения и моменты взаимовлияния и, следовательно, проверить и конкретизировать гипотезу А. Н. Веселовского о путях распространения бродячего сюжета о гордом царе.

Каждый из известных списков «Повести о Димитрии Римском» представляет особый вариант, отличный от остальных и позволяющий представить детали литературной истории памятника. Текст О отличается книжным характером. Кратко повествуя о похождениях Димитрия, автор в нескольких местах вставляет поучения и назидания, неизвестные по другим спискам. Таковы упоминание о молитве Димитрия в лесу («нача молитися богу, глаголя: „Господи, согреших пред тобою, направи мя на стезю мою“» — л. 181), назидательное отступление при рассказе о пашне («аще бы еси Димитрии творил заповеди божия, то не бы тако страдал, сам себе размышляя, плакаше» — л. 182), покаяние Димитрия после побоев крестьянина. Несмотря на ряд поучений в тексте повести, заключительная мораль отсутствует: «Он же поиде в дом свой и нача веселитися, славя Христа бога нашего» (л. 183).

Список Б отличается использованием приемов устного рассказа, например: «А благоверный князь Димитрей заблудился на лесу, не ведает, куды выехать, и выехав на некую поляну» (стр. 57), и последовательным объяснением книжных и малопонятных для автора слов: «шкапу, сиречь жребя», «ударюша его по ланиде, сиречь по щеце» (стр. 58). Только в этом списке имеется чисто сказочная концовка повести, по которой царь после возвращения на престол «крестьянина прия к своему княжеству и к своему двору» (стр. 58). Вместе с тем оттенок поучительности и книжности сохраняется в списке Б благодаря употреблению устойчивых эпитетов: «душеполезна» повесть, «благоверный» князь Димитрий, и т. п.

Список И читается в сборнике старообрядческого происхождения, что повлияло на усиление поучительности в этом варианте. Здесь нет назидательных отступлений, характерных для списка О, но более последовательно, чем в варианте Б, употребляются эпитеты, создающие общую атмосферу поучительного повествования. В концовке повести к тексту,

⁹ См. рукопись ГБЛ, ф. 178, Музейное собр., № 3436, лл. 24 об.—31 об.

общему для всех трех списков («пойдох в дом свой, нача веселитися»), добавлено: «божие слово исполних и начат жить постническим житием» (л. 199 об.). Сочетание противоречивых действий — «нача веселитися» и «начат жить постническим житием» — свидетельствует о позднейшей вставке назидательного элемента.

Список *И* отличается и рассказом о блуждании царя в лесу. Вместо краткого упоминания («И не вкусив хлеба 3 дни и 3 нощи, и тако гладен бысть велми» — см. список *О*, л. 181) автор развертывает целую картину: царь «хождаше в лесу месяц и дней шесть, питахся былием и травюю, и гнилою колодою, моляся о согрешении своем» (л. 194 об.). Видоизменение и конкретизация чисто фольклорного оборота «3 дня и 3 нощи» носят в данном случае книжный характер: автор явно стремится подчеркнуть «ужасы» этого испытания, приближаясь к рассказам о жизни святых отшельников.

Многочисленные расхождения текстов, имеющих общую основу, можно объяснить, по-видимому, лишь тем, что повесть не только переписывалась, но и бытовала в устном пересказе. Более детальное решение вопроса о ее литературной истории требует дальнейшего исследования.
